

луострова. Османы ступили твердой ногой на Балканы, переправа их полчищ через Дарданеллы была обеспечена. Пожалуй, впервые за всю историю Византии господствующая верхушка отчетливо осознала горькую истину — отстоять свое существование собственными силами империя не в состоянии. Это было ясно и ближайшим единоверным соседям империи — болгарам и сербам, также познавшим турецкую агрессию. Понимали это и правители, стран Западной Европы и само папство. Общее осознание надвигающейся смертельной опасности не смягчило, однако, глубоких противоречий, расколовших христианский мир. Папство, монополизировавшее право решать от имени всех государств католической Европы вопрос о возможности, времени и размерах военной помощи Византии против мусульман, неизменно выдвигало единственное, но совершенно неприемлемое для византийцев условие — отказ от ряда важнейших догматов восточного православия (признание католического символа веры) и подчинение византийской церкви престолу св. Петра. В империи слишком хорошо помнили время латинского владычества, слишком бесцеременно вели себя в самом Константинополе итальянские торговцы, захватившие в свои руки экономику столицы империи. Союз с латинянами ради спасения казался рядовому византийцу менее привлекательным, чем соглашение с мусульманами, отодвигавшее гибель ценой унижения.

Союз не состоялся даже с такими же православными, как и византийцы, болгарами и сербами, несмотря на неоднократные попытки, — {6} слишком огромен был груз многовековых взаимных претензий, слишком велик соблазн извлечь выгоду для себя из затруднений соседа, подвергнувшегося очередной атаке османов. Турки громили балканские государства поодиночке.

В начале XV в. далекая Морея на Пелопоннесе, ряд островов в Эгейском море, несколько городков на Черноморском побережье и гигантский Константинополь, являвший черты глубокого упадка, — это было все, что осталось от империи. Судьба Константинополя была предопределена, но его падение 29 мая 1453 г. явилось тем не менее событием всемирно-исторического значения.

Жестокие перипетии в истории империи в последние два с половиной столетия ее существования обусловили острую напряженность в духовной жизни византийского общества. Неоднократно вставал вопрос о жизни и смерти Византии, и все это не могло не оставлять глубоких следов в сознании и чувствах византийцев, на направлении их мысли, чаяниях и надеждах, в особенности их мыслящего, культурного слоя, остро переживавшего бедствия своего отечества.

Крушение империи в 1204 г. стало одновременно крушением мира привычных представлений византийцев (ромеев) о себе самих, о священной империи, о ее месте и в современном им мире, и «на самих небесах». Давнее, крепнувшее с конца XI в., от одного крестового похода к другому, опасение православных («схизматиков» в глазах западных рыцарей) перед угрозой нападения «коварных латинян» оправдалось. Христиане западной части некогда единой империи, вооружившиеся для борьбы с «врагами Христа», разгромили христиан части восточной. Подданные Византии пережили тяжелое психологическое потрясение. Рухнуло благосостояние, социальное и общественное положение высшей светской и духовной знати. Судьба большинства ее представителей была неразрывно связана с Константинополем: здесь они хранили свои главные богатства, здесь находились их дворцы и подворья, здесь они делали свою карьеру, здесь в основном они творили шедевры высокой культуры. Но именно Константинополь и подвергся в первую очередь разгрому и повальному грабежу. Униженные и ограбленные знатные византийцы, включая их наиболее культурную элиту, бежали в поисках спасения в провинции, особенно в Малую Азию.

Не менее тяжелой стала участь крестьян и рядовых горожан, которым некуда было бежать. Крестьяне из окрестностей Константинополя, по дешевке скупавшие за продукты у знатных столичных беглецов их скарб и последние ценности, бросали им в лицо: «Вот и мы обогатились!» Суть этого заявления состояла, конечно, не в радости овладения крохами нечаянного богатства: восклицание исполнено сарказма, за ним сквозит озлобление людей, обреченных на предстоящее «латинское рабство», угадывается обвинение в адрес еще недавно власть имущих как главных виновников нашествия и разбоя иноземцев.

И сами житейские невзгоды, и глубокий душевный разлад, испытанные византийцами в ходе латинского завоевания и утверждения господства чужеземцев, заставили их задуматься над казавшимися незыблемыми, традиционными догмами официальной доктрины о праве империи на «первородство» среди христианских держав, об «избранном» народе, {7} о василевсе